

Чу И ночью увидел сон — вернулся в свои школьные годы. Будто он идёт домой после вечерней самоподготовки, и уже у подъезда слышит, как из квартиры доносится шум ссоры. Сердце подсказало: что-то не так. Он бросился наверх. Открыв дверь, увидел мать — она лежала на полу с разбитой головой, кровь заливала лицо, и она стонала, прижимая руки к животу, а рядом стоял его отец, Чэнь Цзяньши, пьяный в стельку, с занесённой ногой — ещё мгновение, и он снова бы пнул её. Чу И кинулся к матери и обхватил её руками, так что удар пришёлся ему в спину. Слезы брызнули сразу — но не от боли. Ему было страшно. Было больно на душе.

Чэнь Цзяньши выпил столько, что вся квартира пропахла перегаром. Чу И, прикрыв мать, рванул вперёд и толкнул отца — тот, пошатнувшись, завалился на пол. Не теряя ни секунды, Чу И поднял мать с пола, увидел, что та смотрит полузакрытыми глазами, до смерти напуганная, бросил рюкзак, взвалил её на спину и помчался вниз — поймал машину и довёз до больницы.

В памяти Чу И его отец постоянно избивал мать. Когда они жили лучше и Чу И был маленьким, всё было не так страшно, да и мать умело скрывала побои — врала, отмазывалась, и Чу И из десяти раз восемь не замечал ничего. Но когда он пошёл в среднюю школу, Чэнь Цзяньши бросила любовница, он прогорел на деньгах и запил — и вот тогда всё стало по-настоящему плохо. Чу И почти каждый вечер, возвращаясь с занятий, слышал из дома его пьяные крики.

Та ночь в больнице до сих пор стояла у него перед глазами. Он проплакал всё время, но не позволял себе разреветься в голос — боялся, что страхи захлестнут разум и он не сможет спокойно заниматься делами. Он дрожал, когда разговаривал с врачом. Дрожал, когда тот перевязывал матери раны. И только когда врач сказал, что всё не так серьёзно, что через несколько дней заживёт, — только тогда камень упал с души.

В ту ночь он сидел с матерью, пока ей ставили капельницу. Она сидела на длинной скамейке, лицо распухло до неузнаваемости, но всё равно улыбалась Чу И, гладила его по голове и повторяла, что всё хорошо, что мама в порядке. Чу И не смел плакать в голос, не смел обнимать её — боялся задеть раны. Внутри всё разрывалось от боли, и он просто присел на корточки, прижался лицом к её коленям и беззвучно плакал, не в силах остановиться.

О том, что Чэнь Цзяньши избивает жену, знали все соседи. У Чу И давно было полно доказательств, и он ещё тогда хотел заявить в полицию, но мать не позволяла. Она терпела всё ради этой семьи — свойственной ей одной тихой, бесконечной жертвенности. Мать у Чу И была добрая и мягкая. Он никогда не мог понять, за что его отец так с ней поступает.

Но в тот день, когда он застал её на полу в крови, терпение кончилось. Он настоял, чтобы мать уехала в город А, пожила у тёти, а сам остался в городе В — учиться и потихоньку собирать документы. И в конце концов он подал заявление в полицию.

Но первый поход в полицию ничего не дал. Он не спросил у матери разрешения, и, когда приехали сотрудники, она встала не на его сторону. Чэнь Цзяньши изображал раскаяние, полицейские ограничились примирением, а Чу И ещё и отчитали. Ушли они ни с чем.

Зато после этого случая Чэнь Цзяньши возненавидел и сына.

Вскоре после того, в очередной раз напившись, он снова набросился на мать. Чу И встал у неё на пути. Тогда отец схватил разбитую вазу и бросился на сына. Чу И попытался увернуться, но не успел — острый осколок вонзился в бедро.

И только тогда мать наконец согласилась подать заявление.

Они развелись.

Чу И проснулся посреди ночи — весь мокрый, в поту. Будто он только что во сне дрался с Чэнь Цзяньши. Но там он был тем самым мальчишкой из средней школы, маленьким и тщедушным — разве мог он одолеть взрослого мужика?

Последним, что он запомнил из сна, было то, как отец поднял его и швырнул на пол, усыпанный осколками стекла.

Падение ощущалось слишком по-настоящему. Чу И лежал с открытыми глазами и тяжело дышал, словно ему не хватало воздуха. Сердце бешено колотилось, мышцы рук подрагивали — как будто и правда только что вышел из драки.

В спальне было темно. Но в темноте, на фоне потолка, ему всё ещё мерещился оскаленный, перекошенный рот Чэнь Цзяньши — как вырезанный силуэт, застывший у него над головой.

Чу И закрыл глаза, дал себе немного прийти в себя, а потом нашарил рукой выключатель ночника. Свет сделал неярким, чтобы не разбудить Цинь Ихэна. Всё тело липло от пота — надо было сходить в душ.

Сейчас было четыре утра. Голова после такого пробуждения была тяжёлой, но сон как рукой сняло. Перед тем как лечь, он успел залезть в телефон и поискать, какой размер ущерба нужен для возбуждения дела о вымогательстве, и ещё спросил у знакомого, который учился на юриста. Но друг сказал, что здесь всё против него.

Чэнь Цзяньши хоть и развёлся с его матерью, формально остаётся его отцом. Они родственники. Сын даёт отцу деньги — казалось бы, дело житейское, и если Чэнь Цзяньши упрётся и начнёт отпираться, Чу И ничего не докажет. Кроме того, их телефонный разговор он не записал, да и полиция обычно тянет с такими делами до бесконечности. А мать живёт в том же районе, что и тётя. Этот бездельник Чэнь Цзяньши шляется где хочет, и ему ничего не стоит найти её и прийти снова.

Чу И стоял под душем, запрокинув голову, подставляя лицо струям воды, и мысли путались всё сильнее. Он не знал, что делать.

Когда он вернулся в спальню, ночник горел ярче, чем он оставлял. Чу И подошёл ближе и увидел, что Цинь Ихэн проснулся. То ли от света, то ли от шума — но он уже сидел, прислонившись к изголовью, и смотрел в его сторону.

— Почему ты моешься в такое время? — спросил Цинь Ихэн, когда Чу И подошёл к кровати.

Чу И забрался под одеяло и не стал скрывать:

— Сон приснился. Вспотел весь.

— Кошмар, — сказал Цинь Ихэн.

— Ага.

Чу И тоже сел, привалившись к спинке. Волосы у него ещё не высохли — он с детства привык, что мать не разрешает ложиться спать с мокрой головой, и привычка осталась.

— Цинь Ихэн, — позвал Чу И после долгой паузы.

— М?

— Я тебя разбудил?

— Меня разбудил звук закрывающейся двери в ванную.

Разбудить-то разбудил, но Цинь Ихэн совсем не выглядел рассерженным. Просто сказал как есть.

Чу И спросил ещё:

— Не будешь спать?

— А ты? — вопросом на вопрос ответил Цинь Ихэн.

— Я, когда волосы высохнут, — сказал Чу И.

— Тогда и я подожду, пока у тебя высохнут волосы.

Чу И глубоко вздохнул. На душе вдруг стало так тепло.

Они сидели рядом. Чу И часто застревал в своих мыслях, но от этого ему не было неловко. А вот то, что Цинь Ихэн сейчас вот так просто сидел с ним рядом и тоже молчал, — это было странно.

— Цинь Ихэн, — снова позвал он.

— М?

— Ты, когда собирался на мне жениться, знал, что я из неполной семьи?

— Знал.

— И про отца знал? Какой он?

— Кое-что слышал.

— Мне сейчас папа приснился, — сказал Чу И.

Цинь Ихэн повернул голову и посмотрел на него. Несколько секунд. Потом сказал — вроде как утешение:

— Это просто сон.

Чу И не знал, сколько Цинь Ихэну известно и стоит ли вообще сейчас говорить о Чэнь Цзяньши. Просто сидел и думал о том, какой у него самого непростой бэкграунд, а Цинь Ихэн такой хороший — и как же так вышло, что он на него запал?

Чу И сам не заметил, как сжал руки. И тихо спросил:

— Ты меня не брезгуешь?

Цинь Ихэн, кажется, тоже понизил голос:

— С чего бы мне тебя брезговать?

Чу И вдруг улыбнулся.

Какой же Цинь Ихэн всё-таки хороший.

В тишине ночи разговоры шли сами собой. Просидев ещё немного, Чу И вспомнил те слова Цинь Ихэна про «подходим».

— А почему ты решил, что мы подходим друг другу? — спросил он.

Цинь Ихэн склонил голову набок — похоже, всерьёз задумался. Потом ответил:

— Я смотрел твои материалы и достижения. Ты очень способный.

Чу И не собирался так просто отпустить:

— Способных людей полно. Почему именно не выбрал кого-то другого?

Цинь Ихэн повернулся к нему. Выражение лица у него было такое, будто Чу И снова задал глупейший вопрос.

— Потому что у нас с тобой были сексуальные отношения, — сказал Цинь Ихэн.

Чу И:

— ...

Ну да, совсем забыл.

Цинь Ихэн терпеливо продолжил объяснять:

— Сначала появилась близость, а уже потом я узнал тебя и понял, что тыходишь.

Чу И кивнул. Про себя: окей, всё ясно.

Да, Цинь Ихэн, наверное, самый прямой и нелюбящий воду в ступе толочь человек из всех, кого Чу И встречал. Неудивительно, что в универе его все называли неприступной вершиной. И не будь Чу И его мужем, Цинь Ихэн вряд ли бы вообще снизошёл до разговора с ним.

<http://bllate.org/book/18385/1767743>